

Марина – поэт из Санкт-Петербурга, и тексты у неё типично (если можно так сказать) петербургские, тихие, но яркие, с запоминающимися образами – одна «жизимость» чего стоит. Марина Евсеева не может похвастаться большим количеством публикаций – тем приятнее видеть её стихи на страницах «Эмигранской лиры».

Д. Л.

НАСКАЛЬНАЯ ЖИВОПИСЬ

Олухи, миров своих насельники,
неслухи, любви своей кандальники,
так и будем до самозабвения
разговаривать рисунками наскальными:

– Этот бизон,
поражённый копьём,
нарисованный мной,
стоит поражённый
то ли чужой красотой,
то ли своей немотой,
как заморожённый
глядит то ли на смерть свою,
то ли на чужого тебя,
стоит и охрой горит как огнём.

Пусть это буду не я.

– Это сердце, пронзённое стрелой,
небрежным штрихом
нарисованное тобой,
имеет предсердия, клапаны,
желудочки и, главное, кровь,
и символизирует отнюдь не любовь,
а просто проткнутый орган тела,
из которого уходит жизнь,

про которое ты просил: «удержи!»,
а я не сумела.

Так вслепую, вглухую друг другу рисуем мы
силуэты, едва проглядывающие из тьмы,
отставной козы барабанщики,
неслухи, олухи, рисовальщики.

* * *

«Мы говорим на разных языках...».
К. Бальмонт

Мы говорим на рыбьем языке,
на немоте, на той беззвучной ноте,
которой в нотном стане не найдёте,
которую ни я, ни ты, ни те,
кто слышит нашу рыбью переключку,
не примут за понятный говор птичий.
Ну что сказать: ни слова в простоте.

Мы среди рыб проходим по статье
«уже не люди, но ещё не рыбы»,
русалками, наверно, стать могли бы,
но не умеем плавать на хвосте.
Отказываясь от людских обличий,
мы нарушаем рыб уклад привычный,
вот и плывём в итоге в пустоте.

Как субмарины на подводном дне
мы освещаем горестно друг друга,
и рыбьим глазом, выпученным туго,
на нас всё море пялится извне.
А мы дрейфуем в чёрной глубине
и всплыть наверх не можем от испуга,
что мы ни здесь, ни там, не ты, не мне.

ФАНДАНГО (аутическая грёза)

Когда мы с тобою пойдём по Фонтанке в фанданго,
Не то чтоб испанки, а так, шантрапа, голодранки,
Подкованными каблуками стуча спозаранку

Чечётку по чинным и чистым пока тротуарам,
Пасадой своей потрясая лепные фасады,
Шальных голубей задевая резными воланами,
Щелчком кастаньетным сбивая с фронтонов побелку,
Качая нелепые липы глубоким дуэнде,
Вгоняя в смущенье и краску прохожих несмелых,
Те скажут: «Глядите, какие весёлые тётки!» –
А кто-то добавит ещё: «Охрененные тёлки!»,
А мы будем просто безбрежно счастливые люди,
Смотрите, судите, рядите – от нас не убудет, –
И так мы пройдем от Сенной и до самого Невского
Под стрёкот гитар и «Оле!» населения местного.
И там мы взлетим – я не знаю, на воздух ли, в небо ли,
Как будто и не было.

ОСЕНЬЮ СМОТРЕТЬ ИОСЕЛИАНИ

Осенью смотреть Иоселиани,
пить имбирный чай из кружки с оранжевыми петухами,
осенью говорить стихами,
принципиально к зиме не готовить сани,
они как-нибудь сами.

Осенью поменять местами
прежние представления о выдумке и о яви,
счесть себя на счастье внезапно вправе,
пренебречь дедлайнами и делами,
они как-нибудь сами.

Осенью окружить стенами
хрупкий мир, стоящий на зимней грани,
и пусть будут пошлости – занавесочки и герани,
но зато наплевать на темень с её бурями и снегами –
мы уж как-нибудь сами.

БОЛЬШАЯ СТИРКА

То льёт, то моросит, то снова льёт,
как будто в небе старое бельё
стирает нерадивая хозяйка,
подштанников небесных полотно

от носки долгой сплошь загрязнено –
и не отмыть, и выбросить их жалко.

Хозяйка чуть помается ещё
и пустит в дело снежный порошок,
так вжарит, чтоб как новенькие были,
повесит на забор у вербняка,
и выяснится, что у старика
там, наверху, кальсоны голубые.

* * *

Я со второго этажа
Гляжу, как женщина босая
Куда-то в небо мяч бросает,
Кому-то голову кружа.

И кажется, она сама
Растёт из голубого неба,
Законам логики не внемля,
Весь мир земной сводя с ума.

Ступни как странные цветы,
А кисти рук как будто корни –
И я в бессмысленном восторге
Смотрю на это с высоты.

РОССОШЬ – ТУДА

На станции встали со странным названием Россошь,
Здесь ночи и дали, и кто-то в них рыщет, и кто-то в них ропщет,
Шуршит под ногами разлапистой насыпи россыпь,
Звенит над полями разбойничий поезда посвист.

Поедем мы дальше, в Тамань и застрянем в Тамани,
На море, на солнце, на лето там станем шаманить,
Набъём этим морем, и солнцем, и летом карманы
И станем сухими и древними как караманы.

Мы скоро в своей таратайке обратно уедем
И будем рассказывать байки случайным соседям

Про то, чем живём, что видали, как жили доселе,
Про то, что везём своё счастье с собою на север.

Поедем с тобою и лесом, и полем, и рощей,
Мы теми полями не сеем, не полем, не ропщем,
А что с нами было, забудем, проехав Воронеж –
Чего не воротишь, мой милый, того не воротишь.

РОССОШЬ – ОБРАТНО

Мы снова в Россоши стояли,
И север в ней уже виднелся,
И август безнадежно таял
Вечерним маревом на рельсах.

На этом пункте пограничном
Между реальностью и счастьем
Всё было лёгким непривычно
И так хотелось в одночасье

Отстать от поезда, остаться,
Обжиться, завести хозяйство,
Стать хоть столбом на тихой станции,
Но чтоб не просто постояльцем,

В горсти держа покой и нежность,
Пропахнуть мёдом и ромашкой
И для нелепой жизни прежней
Сказаться без следа пропавшей.

Непозволительная роскошь
Менять на журавля синицу,
Но эта призрачная Россошь
Мне до апреля будет сниться.

ШОССЕ ЧЕРЕЗ ЛЕС

Я еду по неведомым краям,
Дорога вьётся лесом, по краям
Растут хвощи, эндемики и злаки,
Здесь всё вокруг рифмуется со всем,

И даже среди дятловых фонем
Маячат то ли рифмы, то ли знаки.

Они роятся, льются через край,
И влажный лес не выглядит как рай,
Плыву под ним и чувствую при этом,
Что этот лес давно уже не лес,
А зарифмован без остатка, весь
Каким-то обезумевшим поэтом.

Ох, этот хаотичный рифмоплёт,
Он жизнь мою без усталы прядёт,
И кажется, что пряжа бесконечна,
И, словно в тяжком судорожном сне,
Течёт по лесу мокрое шоссе
Как чёрная извилистая речка.

Из вод её вот-вот прольётся ночь;
Стремясь меня в стремнину уволочь,
Нахлынут то ли звуки, то ли страхи,
И, нимбом облаков окружена,
Поднимется ущербная луна
В замызанной палаческой рубахе.

И в горле у меня сгустится речь,
И, чтобы это марево рассечь,
Я наконец-то вылечу на встречу,
Рефреном лягут заросли окрест,
И всё сольётся в непрерывный текст,
И никого вокруг. Ни человечка.

ЖИМОЛОСТЬ

Сплошная жимолость вокруг,
а среди жимолости
кишеньё юношей, старух
и прочей живности,
и мы с тобой как муравьи
по листьям ползаем,
не помышляем о любви –
оно и поздно нам,
а так, бредём куда-нибудь

дорожкой узенькой,
с трудом нащупываем путь
и тянем усики,
и, увязая в киселе
взаимной вежливости,
мечтать не смеем о тепле
и прочей нежности,
и солнечное вещество
вдыхая жабрами,
хотим не то чтобы чего –
хотя бы жалости.
Но слёзы по своей судьбе
давно повылились,
и тараканы в голове
давно повывелись,
музыка улаживает слух,
а зреньё – живопись.
Какая жимолость, мой друг,
какая жимолость!

Дарья Бонет. Ракушка.
Холст, масло, 60X80.